

для познающего субъекта то, что он сам конструирует, задает, производит познаваемый объект. «Знать», согласно конструктивистской точке зрения, значит знать нечто эмпирически реальное, а не то, как это нечто есть само по себе, независимо от субъекта. Но не Кант впервые ввел в научный оборот конструктивистские методик, они имели место еще в математических изысканиях древних греков (математический конструктивизм), в работах Гоббса, Вико, Монтеня (как зачатки эпистемологического конструктивизма).

В кантовской философии Рокмор усматривает, однако, проявления эпистемологического репрезентационизма, находя его в непоследовательной позиции в отношении непосредственного знания. Что же касается приверженности «новому пути идей», то ее Кант подтверждает в своих критических замечаниях по поводу рационализма Декарта и британского эмпиризма, прежде всего Локка. По мнению автора, кантовская версия конструктивизма все-таки не совсем верна, но сам факт ее появления заслуживает внимательного рассмотрения как попытка дать удовлетворительный когнитивный подход. Профессор Рокмор специально оговаривает, что в своем исследовании занимается в гораздо большей степени проблемами, нежели личностями, эти проблемы породившими. Он не повторяет призыв Отто Либмана вернуться обратно к Канту, но настаивает на пристальном внимании к конструктивистскому подходу к знанию. Хотя, безусловно, степень продуктивности и обоснованности данного подхода (прежде всего в форме идеалистического конструктивизма) покажет время.

М. Ю. Васильева

**Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России:
Историко-философские очерки.
М.: Российская политическая энциклопедия
(РОССПЭН), 2007**

Книга, посвященная русскому неокантианству, вышла в серии «Humanitas» в 2007 г. и уже успела привлечь внимание не только исследователей кантовского критицизма, но и философской общественности в целом. Это связано с тем обстоятельством, что русское неокантианство все еще не раскрыло полностью присущего ему своеобразия и в связи с этим нуждается в адекватной оценке. Предложить разумный обоснованный анализ действительно очень трудной проблемы пытается Н. А. Дмитриева в своей работе. Надо отметить, что книга — первое исследование феномена русского неокантианства, которое появляется в особый для России период отвержения марксизма и переоткрытия русской философии. В рамках всего одной книги автор преподносит своему читателю разнообразнейший материал, связанный с самыми разными сторонами русского неокантианского творчества.

Автор акцентирует внимание читателей на том, что неокантианство, хотя и берет свое начало в Германии, распространяется «по всей толще философской рефлексии, формируя различные национальные неокантианские школы». Немецкое неокантианство играет всемирно-историческую роль, но вопрос, в какой именно степени, до сих пор остается невыясненным. В связи с этим данную монографию Н. А. Дмитриева считает необходимым посвятить

влиянию марбургской школы неокантианства на становление и развитие русской философии и на культуру России в целом. Рецензируемая книга действительно содержит новые подходы к концептуальному содержанию и осещению философии неокантианства. В работе Н. А. Дмитриевой можно выделить две части: в первой автор выявляет условия развития кантианских и неокантианских идей, во второй делает акцент на развитие этих идей через биографии представителей той эпохи.

Монография представляет собой четыре историко-философских очерка, каждый из которых интересен уже сам по себе, но только все очерки вместе позволяют получить целостный образ этого поистине значительного философского направления — неокантианства. Автор не только цитирует и интерпретирует труды немецких и русских неокантианцев, но и высказывает свои новаторские научные взгляды по различным проблемам философии.

Очерк первый — «Истоки. Кант и кантианцы» — обращает читателей к истокам кантовского критицизма. Восстановив социокультурный контекст эпохи *fin de siècle*, автор рассказывает читателям об основных неокантианских школах, останавливаясь более подробно на марбургской и двух самых ярких ее представителях — Когене и Наторпе; повествует о начале рецепции Канта и неокантианства в России, дает компаративный анализ немецкого и русского кантианства. Важным достоинством работы Н. А. Дмитриевой является поднятый ею вопрос о том, что такое неокантианство и кого можно считать неокантианцем. Этот вопрос, в свою очередь, раскрывается в следующих моментах: первый сконцентрирован вокруг контекста развития неокантианства и представляет философское направление не каким-то надуманным изобретением, но закономерной потребностью возобновления кантовского критического дискурса, который в новых исторических условиях Германии уже не мог быть просто повторен. С начала XIX в. ведущие немецкие интеллектуалы вели горячие споры по отдельным моментам кантовского учения: вещи в себе, априоризма, субъективности пространства и времени — и постепенно создали предпосылки для системного пересмотра кантовского трансцендентализма в духе Канта. Кантовский дуализм был привлекателен и для естествоиспытателей, и для защитников христианской доктрины. Второй момент связан с определением того, что принято называть неокантианством. Здесь Н. А. Дмитриева включается в дискуссию о проблеме, обсуждаемой уже не одно десятилетие: кто такие неокантианцы — в отличие от кантианцев и всех прочих мыслителей, в той или иной степени опирающихся на идеи великого мыслителя. В результате сопоставления различных точек зрения автору удалось, на наш взгляд, внести ясность в эту проблему, указав на несколько критериев, дающих возможность более или менее однозначной идентификации философа-неокантианца. В итоге вполне логичным становится третий важный момент исследования, заключающийся в попытке ответить на вопрос о первых представителях русского неокантианства. Анализируя различные точки зрения на этот вопрос, Н. А. Дмитриева предлагает «рассматривать в качестве неокантианского учение И. И. Лапшина, закрепив за А. И. Введенским статус кантианца, а философскую позицию Г. И. Челпанова отнести к более широкому, нежели (нео)кантианство, научно-идеалистическому течению в русской философии начала XX в.»

Второй очерк обладает схожей с первым структурой, с той лишь разницей, что объектом его становится исключительно русское направление неокантианства начала XX в. По крупницам собирая разрозненный материал об

«интеллектуальном паломничестве» и подсчитывая научные командировки русских студентов и молодых преподавателей в университеты Гейдельберга, Марбурга и других городов Германии, исследователь стремится еще раз доказать факт активного участия русских философов в общеевропейском философском процессе. Анализируя труды Б. Фохта, Д. Гавронского, Г. Гордона, Б. Вышеславцева и других русских философов-неокантианцев, обучавшихся в Марбурге, автор излагает основные особенности кантовского критицизма в России. Исследователь связывает популярность в России марбургской ветви неокантианства с тем, что в ней указанные философы видели научную школу, подразумевающую «идейное и метафизическое своеобразие вкупе с институциональным оформлением благодаря собственным печатным изданиям, научным журналам или научным сериям». Кроме известных имен автор преподносит читателю имена совсем забытые, отмечая опорные точки их концепций. Среди этих философов — Генри Слонимский, Виктория Войтык, Митрофан Горбунков, Генрих Ланц, Яков Клацкин и многие другие.

По замыслу автора, исследование должно положить начало публикациям историографических и биографических работ по философии неокантианства, поскольку «здесь история философии... сближается с исторической наукой и так называемыми *case studies*, применяемыми в истории науки для обнаружения "контекста открытия"». В связи с этим третий раздел книги назван «Начала русской неокантианской биобиблиографии», где автор восстанавливает основные вехи жизни и творчества О. Бука, Б. Фохта и Г. Гордона. Н. Дмитриева выбирает в данном случае основным материалом архивы философов: мемуары, эпистолярное наследие, документы социометрического характера и собственно философские тексты.

Очерк четвертый, названный автором «Символисты и неокантианцы. Кантианские идеи в русском художественном символизме», по нашему мнению, заслуживает особого внимания, поскольку в нем автор выходит за пределы рассмотрения неокантианства как явления исключительно философского. Мало того, казалось бы, слишком широкая панорама социокультурного контекста развития неокантианства в России, предложенная в первых двух очерках работы, находит в нем свое объяснение. Символизм, по мнению автора, воплотивший в себе культурные чаяния эпохи Серебряного века, опирался на неокантианство, которое, «проникнув в Россию, подогрело общественный интерес к Канту, а через него — к Фихте и Шопенгауэру, к тому же Владимиру Соловьеву как противоядию от (нео)кантианства, а вследствие этого — и к самому себе». Свою точку зрения исследователь подкрепляет интересными фактами творческих судеб В. Брюсова, А. Белого и А. Скрябина, в которых немаловажную роль сыграли неокантианские идеи. Прделанную работу автор справедливо считает необходимым зачином и отмечает важность дальнейших исследований по вопросу о неокантианской основе русского символизма.

Вместо заключения автор помещает еще один мини-очерк, под названием «"Советское" неокантианство?» Появление этой темы — достаточно смелый, но вполне оправданный и закономерный шаг со стороны исследователя. Несмотря на его неоднозначное название, он свободен от какого-либо рода идеологического значения. Термин «советское» Н. А. Дмитриева вполне объективно заключила в кавычки, так как в данном случае подразумевалось выживание некоторых неокантианских идей — в основном эстетических, как менее идеологизированных, — под прессом тоталитарной марксистской

идеологии. Речь в нем идет о Б. Фохте, А. Саккетти, М. Кагане, А. Топоркове, А. Чичерине, М. Рубинштейне, А. Лосеве, М. Бахтине и других философах, испытывавших в какой-либо степени влияние неокантианства на свои концепции и живших в Советской России.

Приятным дополнением к новому интересному исследованию Н. Дмитриевой является приложение, составленное из марбургских писем Г. О. Гордона к Б. А. Фохту.

Все перечисленное дает нам основание утверждать, что автором подготовлен оригинальный исследовательский историко-философский проект, в котором присутствует богатая источниковедческая база по истории неокантианства, вполне позволяющая назвать работу «энциклопедией неокантианской мысли в России». Несомненно, что данная книга будет достойным вкладом в сокровищницу кантоведения. В то же время многие вопросы остались без детальной проработки, многие сюжеты лишь едва намечены. И это можно считать предпосылкой того, что последует продолжение.

О. А. Попова